

18+

Дмитрий Стиллавин

ПОХИТИТЕЛЬ ПОЖИЛЫХ СЕРДЕЦ

Дмитрий Стиллавин

Похититель пожилых сердец

«Издательские решения»

Стиллавин Д.

Похититель пожилых сердец / Д. Стиллавин — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. «Похититель пожилых сердец» — это психологический
детектив в лучших традициях нуара: холодный, жестокий и пронзительный.
Книга о том, как далеко может зайти человек, считающий себя богом,
и о цене, которую платят те, кто решает его остановить.

Содержание

АННОТАЦИЯ	6
ПРОЛОГ	7
ГЛАВА 1	9
ГЛАВА 2	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Похититель пожилых сердец

Дмитрий Стиллавин

© Дмитрий Стиллавин, 2026

ISBN 978-5-0070-9557-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПОХИТИТЕЛЬ ПОЖИЛЫХ СЕРДЕЦ

2026г

© Стиллавин Дмитрий

Все права защищены. Никакая часть этой книги в любом виде (электронном, печатном, аудио и т.д.) не может быть воспроизведена, распространена, переведена на другие языки или использована в какой-либо форме без письменного разрешения автора, за исключением коротких цитат в рецензиях и обзорах.

Текст и иллюстрации созданы при участии нейросетей DeepSeek (разработка — компания DeepSeek) и YandexART (Алиса AI). Искусственный интеллект использован как вспомогательный инструмент для генерации идей, редактирования и создания изобразительного ряда.

Все персонажи, события, названия организаций и географические названия в этой книге являются вымышленными. Любое совпадение с реальными людьми, живыми или умершими, историческими событиями или существующими организациями случайно.

Возрастная маркировка: 18+ (согласно Федеральному закону №436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»). Книга содержит сцены насилия, жестокости и описания, не рекомендованные для лиц младше 18 лет.

АННОТАЦИЯ

Десять лет она искала убийцу своей бабушки. Десять лет он ждал её.

Больница Святого Луки. Одинокие старушки умирают с улыбкой на лице. Фельдшер Борис Савин называет себя Жнецом, а своих жертв — ангелами. Он уверен, что освобождает их от страданий. И он уже выбрал следующую — следователя Ольгу Ветрову.

Но Ольга не знает, что его охота началась задолго до её расследования. Она не знает, что он читал её медицинскую карту. И она не знает, что ей осталось жить полгода.

Когда Ольга понимает, что стала его целью, она принимает решение: она позволит ему прийти к ней. Но она не станет его ангелом. Она станет его приговором.

«Похититель пожилых сердец» — это психологический детектив в лучших традициях нуара: холодный, жестокий и пронзительный. Книга о том, как далеко может зайти человек, считающий себя богом, и о цене, которую платят те, кто решает его остановить.

ПРОЛОГ

Больница Святого Луки.
Ночь. Осень 1958 года.

Пахло карболкой, старой простынёй и тем сладковатым привкусом, который всегда появляется в палатах, где люди готовятся уйти. Этот запах Борис знал с детства — он въелся в кожу так, что даже дома, в собственной постели, он чувствовал его во сне и просыпался с ощущением, что всё ещё там. Теперь он уже не замечал его, как не замечают собственное дыхание.

Он шёл по коридору бесшумно, как тень. Резиновая подошва дешёвых туфель не издавала ни звука. В руке — металлический поднос с пустым шприцем и ампулой, прикрытой марлей. Ампулу он достал из подсобки час назад, пока старшая медсестра заполняла журналы; у него был свой ключ, которым он обзавёлся ещё в прошлом году, на всякий случай. Никто не спросит, что он несёт, — на третьем этаже, который здесь называли «последним коридором», откуда почти не выписываются, такие подносы носили каждую ночь. Дежурная медсестра ушла на вызов в соседнее отделение — там у пациента начался отёк лёгких; санитарка помогала на первом этаже с перевязками. Борис остался один на целый этаж, и это было то, чего он ждал.

Он остановился у палаты №7. Заглянул в круглое окошко — свет был приглушён, только ночник с жёлтым абажуром горел у кровати. Женщина лежала на спине, глядя в потолок. Она не спала. Она ждала.

Врач вошёл без стука.

— Вера Павловна, — произнёс он тихо, почти шёпотом. — Я пришёл.

Женщина повернула голову. Ей было около семидесяти, но болезнь высосала из неё все краски — кожа серая, как старый асфальт, глаза провалились, губы обмётаны. Рак лёгких, терминальная стадия. Ей оставалось недели три, но боли были такими, что она кричала по ночам так, что слышали даже на первом этаже. Морфий не помогал уже третьи сутки. Врачи разводили руками: «Крепитесь, Вера Павловна, мы не можем превышать дозировку».

Она смотрела на Бориса с недетской тоской и надеждой. Она знала, кто он. Они не договаривались — это было лишним. Но вчера, когда он менял ей капельницу, она схватила его за рукав и прошептала:

— Сынок... ты же видишь... я уже не живу... помоги...

Он не ответил тогда. Он просто сжал её пальцы и кивнул.

Теперь он сидел на краю кровати. Поставил поднос на тумбочку, взял её руку в свою — сухую, горячую, с вздутыми венами, в которых давно уже не осталось силы.

— Вы не бойтесь, Вера Павловна. Я буду рядом. До самого конца.

Она заплакала — беззвучно, сжимая его руку так, будто боялась отпустить, и в этом пожати было всё: и боль, и благодарность, и последняя надежда.

— Спасибо тебе... сынок... я так устала...

— Я знаю. Закройте глаза.

Она послушалась. Борис взял шприц, набрал из ампулы прозрачную жидкость — обычный калий хлорид. В больших дозах он останавливает сердце за пятнадцать секунд. Без боли, без судорог, как будто человек просто засыпает.

— Вы согласны? — спросил он, хотя знал ответ. Ритуал требовал слов.

— Да... — прошептала она.

Он ввёл иглу в катетер — движение отработанное, почти автоматическое, но на миг рука дрогнула, и он задержал дыхание. Нажал поршень. Толчок — и прозрачная жидкость ушла в вену. Она вздохнула — неглубоко, словно перед тем, как провалиться в сон. Её пальцы на мгновение сжали его ладонь, потом ослабли. Он считал про себя: раз, два, три... На пятнадца-

той секунде приложил пальцы к шее — тишина. Ни толчка. Ни движения. Он выдохнул, сам не заметив, что не дышал всё это время.

Он не сразу убрал руку. Посидел ещё минуту, глядя на её лицо. Оно расслабилось, словно сбросило груз, который держал его долгие месяцы. Никаких следов борьбы, никакой предсмертной судороги — только тишина и странный покой, который он никогда не видел у живых. Он закрыл ей глаза, как делал всегда. Потом поправил подушку, пригладил волосы, которые растрепались во сне. Достал из кармана маленький засохший цветок — полевую ромашку, сорванную месяц назад, — и вложил в её сжатую ладонь. Это был его тайный знак, его печать.

— Ты уходишь с любовью, — тихо сказал он. — Ты — первая благословенная. Я запомню тебя.

Он сидел ещё несколько мгновений, прислушиваясь к себе. В груди разливалось странное, почти сладостное чувство — смесь облегчения, силы и чего-то такого, что он не мог назвать. Он никогда не испытывал этого с женщинами, которые были живы и здоровы. Только здесь, у постели умирающих, когда они переходили черту и улыбались, он чувствовал себя... нужным. Избранным.

А потом он услышал звон.

Далеко-далеко, как из другого времени, донёсся тихий звук — словно старый колокольчик, который когда-то звал его из детства, из тех дней, когда он ещё был маленьким и верил, что добро побеждает боль. Звон был почти нереальным, но отчётливым. Борис не удивился — он давно перестал искать источник. Он улыбнулся и, не сказав ни слова, встал.

Он забрал шприц, убрал его в карман халата. Взял поднос и вышел из палаты. В коридоре никого не было. Часы на стене показывали 2:15 ночи.

Доктор зашёл в ординаторскую, выбросил шприц в контейнер для отходов — завтра утром его утилизируют вместе с остальными, никто не заметит. Затем сел за стол, достал из внутреннего кармана сюртука старую тетрадь в кожаном переплёте — он никогда не носил её в халате, только под сюртуком, у самого сердца — и аккуратным, каллиграфическим почерком написал новую строку:

«Вера Павловна. 71 год. Рак лёгких, терминальная. Согласие: устное. Ушла без боли, с молитвой. Моя первая благословенная. Спасибо, что позвала. Ты ушла с достоинством. — Ж».

Потом закрыл тетрадь и снова спрятал её под сюртук. Надел его поверх халата, вышел на крыльцо. Ночь была прохладной, небо — низким, звёзды почти не горели. Город спал. Только где-то далеко лаяла собака, и ветер шуршал сухими листьями.

Борис закурил папиросу — он позволял себе это только после «работы». Дым тянулся вверх, растворялся в темноте. Он смотрел в небо и думал о том, что в мире есть вещи, которые врачи не понимают. Они лечат тело, но не видят души. Они боятся смерти и поэтому продлевают агонию. А он — нет. Он видит дальше. Он слышит звон, который зовёт его. Он не убийца. Он — проводник. Он — жнец, который приходит тогда, когда его ждут.

«Никто не уйдёт без любви, — подумал он. — Я сделаю так, чтобы каждый ушёл с улыбкой».

Он погасил окурок и снова зашёл в здание. Скоро будет новая смена, новые пациенты, новые ангелы, которые позовут его. Он должен быть готов.

Внутри, в глубине больницы, кто-то застонал во сне. Борис улыбнулся и тихо сказал в темноту:

«Я всегда прихожу, когда меня зовут».

ГЛАВА 1

Управление уголовного розыска.

Город N.

Осень 1958 года.

Час ночи.

В кабинете пахло табаком, старой бумагой и остывшим чаем — тем самым, который Ольга, как всегда, забыла допить, уткнувшись в папку с делом. На столе горела настольная лампа с зелёным абажуром, выхватывая из темноты кипу старых бумаг и одну-единственную фотографию в деревянной рамке — бабушка, смеющаяся на фоне дачного забора. Её смех, такой живой, не вязался с казённой бумагой, что лежала сейчас перед Ольгой.

Дело №473-А.

Галина Ивановна Ветрова.

Дата смерти — 12 октября 1955 года.

Причина — сердечная недостаточность.

Заключение — естественная смерть.

Ольга перечитала заключение в сотый раз. Ей не нужно было вглядываться в текст — она знала его наизусть. «Смерть наступила в 2:20 ночи. Введён морфин для купирования болей. Сердечная недостаточность». И в самом низу, на полях, карандашом, чужим почерком приписано: «заснула с улыбкой».

Она заметила эту запись только через год после смерти бабушки. И с тех пор не могла от неё избавиться.

Бабушка не была тяжело больна. Она жаловалась на усталость, на одиночество, но врачи не находили у неё ничего серьёзного. А потом Ольга уехала на стажировку в другой город, и ей казалось, что бабушка всегда будет ждать. Всегда. Она ошибалась.

Ольга закрыла глаза и позволила себе на мгновение вспомнить голос бабушки — мягкий, чуть хриплый, с лёгким южным акцентом. «Оленька, ты когда приедешь? Я так соскучилась». Девушка тогда сказала: «Скоро, бабуля. Как только освобожусь». Но не освободилась. А через месяц бабушки не стало.

Ольга открыла глаза и посмотрела на фотографию. Бабушка улыбалась ей, как будто говорила: «Всё хорошо, Оленька. Я не сержусь». Но та сердилась на себя. И это чувство вины, холодное и липкое, сидело в ней уже десять лет.

«Десять лет, — подумала она. — Десять лет я ищу ответ, которого нет. Или есть?»

Она взяла фотографию в руки, провела пальцем по стеклу. Бабушка смотрела на неё с той же улыбкой, что и всегда. Ольга вспомнила, как они сидели на даче, пили чай с вареньем, и бабушка говорила: «Оленька, ты должна жить полной жизнью. Не замыкайся в работе. Найди кого-то, кто будет любить тебя». Ольга не нашла. Вместо этого она нашла дело, которое съедало её год за годом.

Зазвонил телефон.

Резко, пронзительно, разрывая ночную тишину. Ольга вздрогнула, схватила трубку, чувствуя, как сердце пропускает удар. В это время суток звонки редко приносили что-то хорошее. — Ветрова слушает.

Голос был глухим, приглушённым, словно говоривший прижимал к губам платок или разговаривал через плотную ткань. Слова падали отрывисто, без интонаций — человек старлся, чтобы его не узнали.

— В больнице Святого Луки убивают старух. Спросите про «Жнеца».

Ольга напряглась, пальцы впились в трубку. По спине пробежал холод.

— Кто это? Откуда у вас мой номер?

— Спросите, кто пишет «Благословенные». Не тяните — следующая умрёт сегодня.

Короткие гудки.

Ольга медленно положила трубку, чувствуя, как в груди разрастается холодная колючая тревога. Она поставила чашку на стол и поняла, что чай давно остыл.

«Жнец. Благословенные. Сегодня».

За десять лет в уголовном розыске она привыкла к ложным следам, пьяным розыгрышам и анонимным доносам, которые оказывались пустыми. Но этот звонок был другим. Голос не звучал испуганно. Он звучал уверенно. Спокойно. Как у человека, который знает, о чём говорит.

Она посмотрела на дело бабушки, на запись «заснула с улыбкой». И вдруг её пронзила мысль, которая раньше казалась абсурдной: «А что, если это не случайность? Что, если десять лет назад я потеряла не просто бабушку, а жертву?»

Она встала, подошла к окну. За стеклом — ночной город, редкие фонари, мокрый асфальт. Она смотрела на отражение собственного лица и думала о том, что этот звонок мог быть ловушкой. Или мог быть шансом.

Девушка накинула пальто, сунула в карман диктофон, блокнот и фонарик. На ходу бросила сонному дежурному:

— Я в больницу Святого Луки. Если кто спросит — я по срочному вызову.

Дежурный, не поднимая головы от газеты, кивнул.

Она вышла на улицу. Осенний ветер ударил в лицо, и она на мгновение задержалась на крыльце, чувствуя, как холод пробирается под пальто.

«Я иду туда, где умерла моя бабушка, — подумала она. — Может быть, я найду ответ. А может быть, я просто схожу с ума».

Она села в машину и завела двигатель. В зеркале заднего вида отражалось её собственное лицо — уставшее, но решительное.

— «Если там действительно есть убийца, — сказала она себе, — я не позволю ему уйти».

Машина тронулась с места, и город N. остался позади.

ГЛАВА 2

Больница Святого Луки.
Третий этаж — «последний коридор».
Три часа ночи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.